

НИККИ МАРМЕРИ

Лилит

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М28

Nikki Marmery

LILITH

Copyright © Nikki Marmery, 2023

All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения

Diamond Kahn & Woods Literary Agency и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Павла Смирнова

Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий

Оформление обложки Михаила Корнилова

Мармери Н.

М28 Лилит : роман / Никки Мармери ; пер. с англ. П. Смирнова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-33562-2

Стремительный, увлекательный, богатый на исторические подробности текст, отражающий древние библейские сюжеты глазами Лилит, первой жены Адама, которую веками несправедливо очерняли.

Оскорбленная Адамом, изгнанная из Эдема, Лилит обретает крылья и отправляется на поиски Богини-Матери Ашеры, дающей жизнь и мудрость. Долгими веками скитается она по странам и континентам, общается с богами и богинями, спускается в подземный мир и присоединяется к пышным царским дворам, воочию наблюдая, как женщин повсеместно низводят до рабского положения. Но это не устраивает свободолюбивую Лилит, и она полна решимости переломить ход вещей и вернуть женскому полу утраченную им божественную мудрость.

Погружая нас в религиозные традиции и древние культуры, автор создает масштабную и красочную сказку, где многотысячелетние поиски Лилит превращаются в гимн женской природе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33562-2

© П. А. Смирнов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ГОСПОЖА ЛИЛИТ

Лилит, Адама первая жена,
(Та, что была до Евы, ворожея),
Речами сладкими могла смутить и змея
И волосом златым, коли не врет молва.
Стареет мир, но, так же молода,
Она плетет блистающую сеть,
Влечет мужчину, чтобы завладеть
И сердцем, и душой его сполна.

Данте Габриэль Россетти

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЙ

4004 год до Рождества Христова

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Книга Бытия 3: 22–24

В НАЧАЛЕ

Сначала я его любила. Как прекрасен он был тогда!

Стоял, попирая широко расставленными ногами плодородную почву нашего рая: ладони на поясе, мускулистые руки тверды и узловаты, словно молодая смоковница. Блестящие волосы цвета воронова крыла ниспадали ему на плечи. Темные глаза манили.

Кисловатый, влекущий запах его тела сводил меня с ума. Адам кружил мне голову.

А я, наверное, ему.

Поначалу.

Когда же все изменилось? Казалось, ничто не предвещало. Но теперь я вспоминаю знаки, от которых отмахивалась, словно от ряби на поверхности пруда, пытаюсь отогнать подальше, будто этого достаточно. Как же я была наивна! Как могла не догадаться, что волны вернутся обратно, усиленные стократно!

Ему в голову начали приходить «идеи».

Он наблюдал, как я направляю набухшую дождевую тучу в сторону колосющихся полей, чтобы их полить.

— Если мы прокопаем здесь траншею, то сможем управлять подземными водами, — сказал он. — Тогда не придется ждать дождя. Мы направим воду к пшеничным полям, подчиним ее своей воле. Я назову этот процесс «ирригация» — это будет хорошо!

— Ты слишком медленно рыхлишь землю, — проговорил он, когда я с мотыгой в руке рыхлила землю. — Мы привяжем кривую заостренную палку к упряжи быка, и он будет

ее тащить. Я назову этот инструмент «плуг». — Он глубокомысленно кивнул. — И это будет хорошо.

— Мы будем вести счет нашему труду, — отметил он, глядя, как я выпалываю сорняки в саду. — Когда нас станет больше... А я чувствую, что нас станет больше! — подмигнул он. — Мы станем обменивать свою работу, излишки пищи и прочее на ценный предмет, обозначающий их стоимость. Я назову этот предмет «деньги»...

— И это будет хорошо?

— Лилит, не перебивай, когда я говорю. — Он беспокойно расхаживал по саду. — Нам понадобится учитывать деньги. Мы станем делать отметки на влажной глине, и эти отметки будут нести смысл. Если глину обжечь, этот смысл утвердится навеки, словно в камне.

— Вот так? — Я показала ему отметки, выцарапанные на реберной кости козла: календарь, где я отмечала прибывающую и убывающую луну и приливы и отливы собственной крови, за которыми следила.

— Нет, не так. Совсем не так, — нахмурился он. — Свои отметки я назову «письменность».

Он был вечно недоволен теми дарами, что у нас были. Ему хотелось большего. Поэтому он ставил опыты, скрепляя разные деревья нашего сада, чтобы получить новые плоды. Заметив, как размножаются те создания, что были отданы под нашу опеку, он принялся и за животных.

— Построим заборы, — размышлял он. — Я отделию баранов от овец и хряков от свиней. Я буду позволять барану познать овцу и хряку познать свинью лишь тогда, когда захочу, чтобы они плодились. Так я смогу получать больше баранов и овец и больше хряков и свиней, когда понадобится.

Планы были прекрасны. Меня восхищал их размах.

Вот только они изменили нас. Добывать себе пропитание стало недостаточно. Ему всегда хотелось большего. Хотелось все контролировать.

Отметки на табличках превратили его слово в закон.

— Вот! — показывал он на загадочные клинышки и стрелочки. — Так все и должно быть.

Спорить с этим я не могла, ведь значения отметок он так и не объяснил. Мне они напоминали следы воробья, пробежавшего по глине в поисках червячка.

Изобретения он считал своей собственностью, заявлял на них права и получал наибольшую выгоду. Подсчитывая наши труды, он сам назначал им цену в «деньгах» и свою работу почитал более высокооплачиваемой, чем мою.

Сейчас его называли бы директором по стратегическому планированию. Ему это подходило: проницательный изгиб бровей, решительно скрещенные сильные руки, уверенные кивки, с которыми он раздавал указания.

У него отлично получалось командовать.

* * *

Последний его план стал решающим. Последней каплей, изменившей всё.

— Когда нас будет больше, — в очередной раз начал он однажды (мысль о том, что нас должно стать больше, превратилась у него в навязчивую идею, хотя не уверена, что он задумывался, откуда появятся другие люди), — нам придется защищаться от других.

Он показал два увесистых камня, найденных у реки: один рыжевато-бурый, другой серый.

— Мы расплавим и соединим эти металлы. Вместе они станут более твердым, прочным веществом, из которого мы станем делать мечи, ножи, топоры и прочее.

— И как ты назовешь этот новый материал? — спросила я забавы ради.

— Бронза, — серьезно ответил он. — Естественно, носить оружие буду я, потому что я крупнее и сильнее, чем ты, и я буду защищать тебя.

— Естественно.

Я не спорила — на первых порах. Лишь бы ему нравилось.

Мне не было нужды в оружии. Пусть мужчина развлекается с мечом и плугом, с письменными табличками и деньгами. Я в будущее не заглядывала, счастливо обходясь настоящим, привязанная к циклу повседневной жизни. Поливала розы, ухаживала за животными, собирала зерно. Лепила глиняные горшки для хранения пищи. Пела, отмечая ритмы нашего существования, била в барабан, приветствуя молодую луну. Танцевала ради собственного удовольствия.

Мне сказали, что однажды я стану матерью целого человечества. В свое время.

Я не спешила. У меня была собственная цель: тайна, доверенная только мне. Дар более прекрасный, чем рубины, более ценный, чем золото. Я холила и лелеяла тайну чрева своего, потому что она была моя — дар Святой Матери исключительно для меня, первой женщины.

И я ничего не имела против маниакальной тяги Адама к прогрессу, потому что любила его. Когда все металлы были расплавлены и выкованы, урожай собран и обмолочен, зерно провеяно и перемолото, хлеб испечен и остыл, музыка и танцы затихали, мы сидели под деревом — тем самым, плоды с которого нам было запрещено вкушать, — и валялись на траве, смеялись и целовались, и, клянусь всем святым, он возделывал меня с усердием землепашца, и вот это действительно было хорошо.

Я – ГОСПОДИН ТВОЙ!

Вот что случилось в тот день, когда все изменилось.

Мы были возле пруда. Ослепительно сияло солнце. Водопад с журчанием разгонял по воде небольшие волны с золотистыми, словно нектар, гребешками. Мы лежали на согретом солнцем камне и вдыхали дурманящий аромат мирта.

Сколь же славен был наш сад! Все в нем радовало глаз и годилось в пищу: крепкие розовые яблоки и кроваво-красные апельсины, орехи и груши, спелые фиги, миндаль и оливки, гранаты с зернами, напоминавшими драгоценные камни, и терпкая айва. Лимоны размером с перепелку сами валялись с веток, стоило только на них взглянуть. Для всего и всегда был сезон, ни одно дерево не стояло голым. Пьянящий сладкий запах цветов окружал нас постоянно, даже когда на деревьях висели плоды.

Теперь я понимаю, что они и не росли. Плоды просто висели, вечно спелые, и лишь ждали, пока их сорвут.

Я не знала, что так не бывает. Откуда мне было знать?

За плодовыми садами лежали поля: золотистый ячмень и качающаяся на ветру пшеница. Они были расчерчены валами и каналами, перемычками и дамбами, которые несли живительную воду из четырех рек, устанавливавших пределы нашего рая. Это и была придуманная Адамом ирригация. Колосья высотой по грудь гнулись на ветру: всегда налитые, вечно готовые к жатве. После первого сева мы не посадили ни единого зерна.

Прекрасный вид на поля открывался из нашей крепкой хижины, построенной из стволов и ветвей высоких кедров

и ладных сосен, крытой листьями финиковой пальмы. Рядом был мой цветник с розами. Их сладкий запах приветствовал меня каждое утро и благостно убаюкивал по вечерам.

Животные приходили к пруду на водопой. К тому времени у нас уже было множество баранов и овец, хряков и свиней благодаря животноводческим затеям Адама. А еще крепкие быки и ласковые коровы, бородатые козлы, широкогрудые упитанные утки, всевозможная пернатая дичь. Мы любовались ими, и это было хорошо.

Тепло сочилось из воздуха, словно мед. Лилии колышались на ветру. Солнечные лучи били в сверкающую воду и отражались в сапфировом небе.

Адам обернулся ко мне. Губы его были влажны от вожделения. Он положил мою ладонь на свой набухающий орган, и тот вздыбился со всей мощью и страстью. Я села верхом на Адама, запустив руки в черную курчавую поросль у него на груди. Он сжал мне запястья.

— Нет. Ложись под меня.

— Не хочу. — Я опустила бедра, выпуская его глубоко в себя, чтобы доказать свою правоту, и у меня неплохо получилось.

Он застонал от удовольствия, потом снова схватил меня за руки.

— Я сказал, ложись под меня!

— Нет! Это ты ложись под меня!

Я думала, он шутит. По правде говоря, мне было хорошо и так. Меня переполняла радость от ощущения его тела. Но во взгляде Адама не было и намека на улыбку.

— Я — господин твой, и ты ляжешь под меня!

— Кто-кто? — рассмеялась я и вдруг почувствовала, что он сморщился внутри меня, словно высохшая слива.

О, как же он тогда разозлился!

— Я — твой хозяин!

Я перекадилась на бок рядом с ним, прикрыв глаза от слепящего солнца. Тоже мне, господин и хозяин!

— Ты и я — мы были созданы вместе, и я равна тебе. — Я погладила его по широкой груди и поцеловала в алые губы; он смягчился, а я, положив голову ему на плечо, продолжала: — И раз уж мы об этом заговорили, то мне надоели твои указы и распоряжения, твоя страсть все улучшать. Давай вернемся к прежней жизни. Давай снова в согласии жить и работать вместе.

Он сжал мою ладонь, и душа моя воспарила.

— Разве не станет у нас больше свободного времени? Неужели мы должны трудиться весь день под жарким солнцем ради даров, которых больше, чем нам нужно? Что проку в излишках для торговли, деньгах для обмена? Давай отдыхать и наслаждаться тем, что нам дано, ведь мы воистину благословенны.

Он улыбнулся, и сердце мое затрепетало от любви к нему.

— Что же до оружия... — Я посмотрела на большой бронзовый меч, лежавший рядом. — Так ли оно необходимо? Кроме меня, здесь никого нет. Животные кротки и повинуются нам. Зачем тебе меч?

Что ж, вот это ему не понравилось. Нежность покинула его, как кровь покидает тело жертвенного агнца. Адам ударил сжатым кулаком по камню.

— Не перечь мне! — взревел он. — Это моя сила, моя десница. Я ношу его, чтобы защищать тебя, потому что ты принадлежишь мне! Меч нужен, чтобы ты помнила о своей слабости!

От этих слов у меня холодок пробежал по коже. С чего он решил, что я принадлежу ему? Зачем ему нужно, чтобы я чувствовала себя слабой?

Оказалось, что меч, который, по словам Адама, был нужен для моей защиты, не мог уберечь меня от боли и обиды. Его тело, которое я так любила, Адам обратил против

меня. Крепкие, как ветви дуба, руки схватили меня; некогда нежные ладони вдруг с силой сжали мне запястья. Он подмял меня под себя и придавил к земле ногами, больно уперев колено во внутреннюю сторону моего бедра и зажав мне щиколотку стопой. Твердый камень впивался мне в спину, пока Адам долбил меня сверху. Он зажал мне рот, чтобы не слышать стонов и проклятий, и смотрел поверх моей головы, словно меня и вовсе не было. Там, где раньше мы доставляли удовольствие друг другу, я стала лишь сосудом для удовлетворения его желания. Насилием получил он радость от моего тела, но мне не было в том радости.

Стоило ли оно того, Адам? Ты взял силой то, что всегда получал любовью. Разве тебе так слаще?

ИМЯ ЕГО

Наверное, вам рассказывали, что я была изгнана, потому что в гневе сквернословила и произнесла Его имя.

Но все было не так.

Сказать по правде, Бог Яхве очень ревнив. Он разозлился вовсе не из-за того, что я упомянула имя Его. Дело в том, что в ярости и отчаянии я воззвала к Ней — к Богине-Матери, которая породила нас, которая нас нянчила, у которой я искала защиты.

— Ашера! — воскликнула я, когда Адам скрылся среди высоких ячменных колосьев, слегка пристыженный, волоча за собой нелепый меч.

Я утерла его влагу с ноющего от боли бедра.

— Всемогущая Ашера, дарующая жизнь, Царица Небесная, зачем ты оставила меня?

Ответа не было. Она молчала уже давно. За последние недели я видела Ее лишь однажды, когда Она пришла в Эдем, чтобы поведать мне Тайну.

В пруду я смыла с себя следы Адама, надолго задержавшись под водопадом. Рокот потока наполнял мой слух, ледяные объятия притупляли чувства. Вокруг кипела и кружилась водоворотами вода.

Я погрузилась с головой туда, где царили тишина и покой, и оттирала кровь с рук и ног илом с самого дна. Я промыла все внутри себя, чтобы избавиться от семени Адама.

Выйдя на берег и согревшись на солнце, я разломила листья нежного алоэ и целительной жидкостью смазала ссадины. Сидя на камне, я баюкала себя, пытаюсь успокоить-

ся. Мирт скорбно поник. На ветви рожкового дерева, сочувственно склонив голову, плакал голубь, роняя крупные слезы из круглых глаз.

Вдалеке пророкотал гром. Сгустилась низкая черная туча. Голубь взмыл в небо. А вот и Он пожаловал. Я собралась с силами.

— Лилит! — раскатисто произнес Он мое имя.

Голос Его звучал так, будто горы раскололись и заговорили. Имя мое разносилось над равнинами и долами, отдавалось эхом в каждой расщелине, в каждой пещере. Зашептались на ветру листья. Камыши тоскливо завывали, склоняясь к взбаламученному пруду. Водопад гремел: «Лилит! Лилит!», скатываясь по камням. Река бормотала мое имя, бурля по камням в стремительном течении к морю.

Звук исходил отовсюду вокруг, одновременно внутри моей головы и снаружи. Слово билось и пульсировало у меня в жилах. Виски сдавило.

— Лилит!!!

* * *

Почему же, спросите вы, Яхве так трепетно относится к своему имени?

Существует, наверное, тысяча эпитетов, помогающих скрыть его. Он — Единый, Он — Господь, Он — Всемогущий.

Что ж, теперь я знаю, в чем дело, — я отведала плод от древа познания, дающего смертным мудрость богов. Все просто: подобно барану, быку или хряку, Он один не способен породить жизнь. Он не мог создать нас в одиночестве — только вместе с Ашерой.

Но почему же Она молчит? Где скрывается Богиня-Матерь? Как я не заметила ее ухода? А Он обманул нас, объявив, что дать имя — это и значит сотворить. Он именует, и становится по слову Его. Он вдует дыхание жизни. Поэтому-то и Адам всему дает свои имена: больше у него ничего

нет. Для мужчины дать название — то же самое, что для женщины родить. И поэтому Он скрывает свое имя. Он хочет, чтобы мы верили, будто в имени кроется какая-то власть.

Он не знает, что однажды я наткнулась на них с Ашерой в саду и слышала, как Ашера бранит Его, называя по имени, конечно, за то, что оторвал Ее от сладкозвучной игры на лире. Нет в этом имени никакой власти.

Меня не одурачить, как Он одурачил Адама! Слова меня не пугают, ибо я полна мудрости.

И какой же он Бог, какой Отец, если не защитил меня, не наказал моего обидчика, а, наоборот, Он хочет наказать меня за проступок Адама? Я страшно разозлилась и решила: раз так, я буду произносить Его имя, когда мне заблагорассудится.

— Яхве! Яхве! Яхве!!!

Я прокричала имя с горных вершин, бросив его в скалу, от которой оно отразилось сотни раз, но не стало сильнее ни на взмах комариного крыла.

КРАСНОЕ МОРЕ

Я бежала на юг, к океану. Ашера была Госпожой моря, я надеялась найти ее там.

Он послал за мной трех ангелов. Тех, что несли вести о Его заповедях; тех, что, нелепо размахивая крыльями и спотыкаясь на неловких ногах, объявляли, что надлежит делать и чего надлежит не делать.

Ангелы отыскиали меня на берегу, где я сидела, погрузив ступни в прохладные волны.

— Что ты наделала? — спросил Сеной, складывая серые крылья на плечах на манер плаща.

— А что такого? Любая женщина поступила бы так же.

— Возвращайся к Адаму! — рявкнул хмурый Сансеной.

Я зарыла ноги поглубже в песок.

— Откажешься — и тебя ждет смерть, — провозгласил Самангелоф.

— А что такое смерть?

— Глупая женщина!

Самангелоф был самым пугающим из троицы. Морщины разбегались по его широкому выпуклому лбу, словно трещины по граниту; редкие волосы дыбились, как шерсть на спине разъяренного кота.

— Смерть — это конец всех радостей жизни. Твое тело отправится в могилу, а душа спустится в темную бездну Шеола, подземного мира. И глаза твои больше никогда не будут знать радости!

Я обдумала его слова.

— Ну и ладно.

Ангелы зашептались между собой. Сеной с недовольной гримасой ткнул пальцем в небо. Сансеной задрожал, и его перья зашелестели на ветру. Самангелоф оскалился на меня, будто волк.

Я рассмеялась, и они ушли.

Песок щекотал мне пятки. Крабы пощипывали за щиколотки. Волна устремилась обратно в море, струясь между пальцев ног.

В небе надо мной парил сокол, стремительный и изящный, неудержимый. Как легко ангелы меня отыскивали. Как быстро долетели до этих мест. Мне понадобились недели, чтобы добраться до берега через выжженные солнцем пустыни и высокие горы. В поисках моря я брела по болотам, пробиралась по каменистым руслам высохших ручьев, обдирая колени и царапая локти.

Вспомнив, с какой легкостью, как небрежно и дерзко опустились на песок ангелы, я вдруг ощутила нечто странное: сильный, нарастающий зуд в спине. Режущую острую боль, которая рвалась наружу, а потом словно свернулась клубком и сосредоточилась в двух определенных точках — чуть пониже лопаток. Из обеих ран что-то начало расти, пронзая плоть, будто копья. Кровь тяжелыми каплями упала на песок. Тонкие иглы удлинились и распустились в шелковистые перья цвета слоновой кости.

Я выдернула одно и поднесла к губам. Мягкое, как пух. Чистое, как голубка. С чуть заметным запахом утиных яиц.

Когда перья развернулись во всем великолепии, я едва не рухнула, не удержав равновесия, и выбросила вперед руки, чтобы остановить падение, но так и не коснулась земли. Я зависла над ней, поддерживаемая прекрасными крыльями. Я до хруста выворачивала шею, пыталась дотянуться до них рукой. Меня качало и швыряло из стороны в сторону. Наверное, со стороны это выглядело не слишком изящно. Но вскоре я освоилась и взмыла в небо.

Какая скорость! Какая восхитительная свобода! Я не отыскала Ашеру, но здесь, у моря, безусловно, обрела Ее благословение. Меня переполняла невероятная сила.

Я полетела сквозь торопливые облака. На щеках оседали капли еще не выпавшего дождя, смывая злость и печаль.

С высоты полуденного неба я посмотрела на землю. Киты пробивали толщу океана; кружили в воде игривые дельфины. В блестящих речных водах темнели похожие на валуны спины бегемотов. Крокодилы нежились у берега среди цветущих лотосов. По пустыне бродили верблюды. Лошади скакали по засушливым равнинам. В саванне львица тащила своим детенышам пойманную газель.

Снег устилал вершины багряных гор. Ветер колыхал бескрайние рощи дубов, кедров и сосен. На лугах я могла разглядеть каждую острую травинку, каждый крошечный цветок, каждого муравьишку.

Меж четырех сверкающих рек я узрела наш Эдем с купами плодовых деревьев и возделанными полями. В середине, отдельно от прочих растений, на двух просторных полянах стояли оба древа: познания и жизни. Водопад с роко-том катился в искрящийся пруд. На берегу жадно пил воду косматый баран.

Я увидела нашу хижину и свой любимый розарий.

Грешный Адам тоже был там. Он сидел на пороге нашего жилища, уткнувшись лицом в ладони. Кудри его раскинулись по плечам, обнажая изгиб некогда любимой мной шеи. Подставляя ее под удар острого бронзового клинка.

Я прокляла Адама до конца его дней. Пусть навсегда останется одинок.

Что касается меня — неужели в этом мое наказание? Я обрела свободу!

КОСТЬ ОТ КОСТЕЙ МОИХ И ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ МОЕЙ

Я кружила над горными вершинами, наслаждаясь мощью обретенных крыльев. Я то взмывала и парила, то падала камнем вниз. Как прекрасна скорость! Я каталась верхом на воздушных потоках: на стремительном теплом течении с юга, на западном ветре, который нес меня навстречу восходящему солнцу.

Я видела самые невероятные вещи.

Земли столь зеленые, что наш сад бледнел рядом с ними. Бескрайние прерии, покрытые колышущимися травами. Морозные северные земли, где море обратилось в скользкий лед. На востоке — обширные горы такой высоты, что у меня захватывало дух; на юге — густые жаркие джунгли, над которыми во время дождя поднимался пар.

Я видела рыб, похожих на звезды, говорящих попугаев, зверей, прыгавших на задних лапах и носивших детенышей в сумке на животе.

Я видела, что земля круглая, что солнце не садится и не встает, что это мы находимся на огромном шаре, который вращается вокруг светила, крутятся вокруг своей оси, а луна, в свою очередь, вращается вокруг нас.

Я видела, что мы не одни.

Что есть и другие — повсюду. Кожа у них темнее или светлее, а волосы всех цветов: светлые, как львиная грива; черные, как спелые маслины; рыжие, как янтарь. Люди были

НИККИ МАРМЕРИ

ЛИЛИТ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.06.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-GOT-42935-01-R